



Альбертина Сарразен

Меня зовут Астрагаль

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7006581

Меня зовут Астрагаль: роман / Альбертина Сарразен: ACT: CORPUS; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-084591-0

Аннотация

Опубликованный полвека назад автобиографический роман Альбертины Сарразен “Меня зовут Астрагаль” обошел весь мир. Написанный в тюрьме, где она провела несколько лет и куда за проституцию и воровство попадала не раз, он принес ей настоящую славу. Воспитанная приемными родителями – настоящих она никогда не знала, – Альбертина в шестнадцать лет сбежала из школы для трудновоспитуемых и пыталась выжить в Париже всеми дозволенными и недозволенными способами. И все это время, в неволе и на свободе, она писала. Признание пришло незадолго до смерти. Выпустив подряд три бестселлера, Альбертина Сарразен умерла в тридцать лет от врачебной ошибки, не прожив и года после публикации последней части трилогии.

Все события, о которых идет речь в романе, – подлинные. Побег из тюрьмы, жизнь вне закона, безумная любовь на фоне тюремных воспоминаний и постоянного страха снова оказаться за решеткой описаны с предельной искренностью. И интерес к книге после стольких лет не угасает. Ее недавно переиздали во Франции, Англии, США и еще десятке стран, где читатели вновь открывают для себя этот маленький шедевр.

Содержание

Патти Смит	5
Меня зовут Астрагаль	9
Глава I	9
Глава II	15
Глава III	22
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Альбертина Сарразен

Меня зовут Астрагаль

© Pauvert, département des Éditions Fayard, 1965, 2001

© Introduction by Patti Smith, 2013

© Н. Мавлевич, перевод на русский язык, 2014

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2014

© ООО “Издательство АСТ”, 2014

Издательство CORPUS®

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

* * *

Патти Смит Моя Альбертина *Предисловие к изданию 2013 года*

Наверное, неправильно начинать с себя, когда берешься писать о ком-то другом, но дело в том, что без Альбертины я вряд ли стала бы такой, какая я есть. Не будь ее, откуда бы мне взять непринужденные манеры, женскую стойкость в невзгодах? И разве были бы такими едкими мои ранние стихи, если бы не “Меня зовут Астрагаль” Альбертины?

Я наткнулась на эту книжку в 1968 году, совершенно случайно, когда бродила по Гринвич-Виллидж. Это было в День Всех Святых – так записано в моем дневнике. Я умирала от голода, мечтала о чашке кофе, но сначала заглянула в книжную лавку на Восьмой улице, чтобы порыться в развалих уцененных тиражей. На столиках лежали стопки *Evergreen Reviews* и нераспроданные переводные романы каких-то малоизвестных писателей – продукция издательств *Olympia* и *Grove Press*. Я искала что-то особенное, некую знаменательную книгу, которая указала бы мне новый, неизведанный путь. И вот мне попалась книжка с необыкновенным, изображенном в черно-фиолетовых тонах лицом на суперобложке, про автора говорилось, что это “Жан Жене в юбке”. Цена 99 центов – ровно столько, сколько стоил кофе с сырным тостом в “Уэверли” на другой стороне Шестой авеню. У меня в кармане была долларовая монетка да жетон на метро, но первые же строчки так поразили меня, что один голод вытеснил другой, и я купила книгу.

Она называлась “Меня зовут Астрагаль”, а лицо на суперобложке принадлежало Альбертине Сарразен. В поезде, на обратном пути в Бруклин, я жадно прочитала все, что было написано в аннотации, но узнала не много – только то, что Альбертина была сиротой, родом из Алжира, она попала под суд, отбыла срок наказания, написала три книги – две в тюрьме, одну на воле – и рано умерла, в 1967 году, не дожив самую малость до тридцати лет. Я словно бы внезапно обрела и тут же потеряла ту, что могла бы стать мне сестрой, и это глубоко взволновало меня. Мне самой в то время было двадцать два года, и я на время рассталась с Робертом Мэплторпом. Променяла привычное тепло его рук на другие, еще неведомо что сулящие объятия. Предстояла суровая зима. Мой новой любовью был художник – он внезапно появлялся, читал мне вслух “Богоматерь цветов”¹, спал со мной и снова пропадал на несколько недель.

Я маялась ночами напролет, не могла успокоиться ни на минуту. Постоянное томительное ожидание – то музы, то любовника – было хуже всякой пытки. Собственных слов, чтобы претворить муку во вдохновение, уже недоставало, – я искала подходящие у других.

И вот в романе, написанном молодой женщиной на восемь лет старше меня, я нашла их. В энциклопедиях о ней ничего не было, поэтому представление о ней (как раньше о Жане Жене) я должна была составлять по крупинкам, вчитываясь в каждую строчку ее книги и не забывая при этом, что в мемуарах художника правда может раскрываться через выдумки. Я сварила кофе, обложилась подушками и улеглась с книжкой. Она оказалась крепким сплавом реальных фактов и вымысла.

Девятнадцатилетняя Анна, приговоренная к семи годам заключения за вооруженное ограбление, совершает побег и падает с десятиметровой тюремной стены. Со сломанной

¹ “Богоматерь цветов” – роман французского писателя Жана Жене (1943). (Здесь и далее – прим. перев.)

лодыжкой она лежит под усыпанным безжалостными звездами небом, совершенно беспомощная. Крохотная, но отважная, Анна долго и упорно добирается до шоссе и ковыляет по нему, пока ее милосердно не подбирает Жюльен, такой же бродяга, мелкий воришко. Она быстро соображает, что он тоже мотал срок, – свои друг друга чуют. Жюльен сажает ее на мотоцикл, и они едут вместе в ночной холодрыге. На рассвете он привозит Анну в безопасное место, к себе домой, и укладывает ее, маленькую, как ребенок, в детскую кроватку. Позже поселяет ее в комнатке на втором этаже у знакомых, но хозяева недовольны и догадываются, что дело нечисто, тогда он отвозит ее к приятелю своего приятеля. Так называемое освобождение обернулось бесконечным перепрятыванием из одного укрытия в другое.

Иногда она впадала в ярость. Как тут уснешь? Небось в тюрьме и то лучше – не надо каждую минуту озираться. Какой сон у беглянки, вынужденной высматривать, прищурясь, нет ли поблизости предателя. Поврежденная нога закована в гипс, но самую нестерпимую боль причиняет Жюльен – как ни удивительно, ему удается взломать закрытое на замок сердце Анны. Страстное желание, которым она томится, так же тягостно, как тюремное заточение. И никакого выбора – знай терпи, пока тебя перетаскивают с места на место. Побитый Гермес со сломанной кривой лодыжкой и обездвиженными крыльями.

Героиня обречена дожидаться своего ненаглядного бандита. В их истории много мытарств, недоразумений, арестов и судов и немножко радостей. Такие вот персонажи попали в эту книгу из жизни.

Альбертина представлялась мне дерзкой, тоненькой как соломинка, в прямой юбке, блузке без рукавов, перехваченной в поясе ремешком, и с косынкой на шее. В ней не было и пяти футов роста, но она ничуть не походила на запуганного заморыша, скорее – на динамитную шашку, которая при взрыве не убивает, но калечит. Она очень проницательна – легко ориентируется в любой ситуации, насквозь видит полицейских, без слов понимает возлюбленного; быстро находит меткие выражения. “Наш путь гол и солон, как пустыня”. У нее свой особый, выразительный язык, сленг с примесью латыни.

Жан Жене в юбке? Нет, она сама по себе. Ее стиль, уголовно-лирический, невозмутимо-умственный, ни на кого не похож. “Я бежала незадолго до Пасхи, она наступила, но никакого воскресения не было, не было вообще ничего: ни жизни, ни смерти”. Этот поэтический голос, “насмешливый и чистый”, пронизывает все повествование, словно бегущая среди скал узкая речка, словно темная жилка, то вырывающаяся на поверхность, то уходящая в глубину. Альбертина – крохотная святая всех бродячих писателей. Очень скоро я втаянулась в ее мир и уже сама готова была ночами напролет марать бумагу, пить кружку за кружкой обжигающий кофе и останавливаться только для того, чтобы подвести глаза карандашом “Мэйбеллин”. Моя податливая душа восторженно впитывала и усваивала ее дышащие молодой силой заклинания:

Я хотела бы уйти, но куда? Соблазнить, но кого? Писать, но что?

Вступая в орден Альбертины, надо отдать должное переводчице Пэтси Саутгейт. В 1968 году она тоже стала для меня открытием. Ослепительная блондинка с прозрачно-голубыми, как у хаски, глазами, она писала и переводила для *The Paris Review*. Как-то раз я увидала ее фотографию, где она сидит в парижском кафе после того, как срезала свои светлые локоны, и была поражена. У себя в комнате я повесила в ряд портреты: Альбертина, Фальконетти, Эди Седжвик и Джин Сиберг – все коротко стриженные, все мои тогдашние кумиры.

Пэтси Саутгейт была загадкой. Какое-то инстинктивное чувство помогло ей, вышедшей из привилегированной среды обеспеченных людей, проникнуть в мир Альбертины и

ощутить тайное родство с ней. Умная, образованная, она знала и страстно любила все стороны французской культуры, была кумиром обосновавшихся во Франции битников последней волны и прославилась романом с Фрэнком О'Хара. Она росла одиноким ребенком, родители держали ее в строгости, и только от французской гувернантки Луизы она видела ласку. Когда Луиза вернулась на родину и вышла замуж, девочка была в отчаянии и долго еще с жаром рисовала в воображении некую “настоящую” мать, которая подошла бы ее французской душе.

Альбертина тоже всю свою короткую жизнь стремилась узнать, кто ее настоящая мать. Она родилась в 1937 году в Алжире, ее подкинули в приют, где она и получила имя – Альбертина Дамье. Потом ее удочерили и окрестили Анной-Марией. О ее происхождении ничего не известно, внести ясность мог бы разве что анализ ДНК. Кто она: дочь юной испанской танцовщицы и матроса? Или незаконный ребенок приемного отца от алжирской служанки еврейских кровей? Обе версии экзотичны и спорны, и обе годятся как объяснение маргинальных замашек. Она очень рано проявила яркую одаренность; успехи в латыни, литературе, игре на скрипке сулили музыкальную карьеру, отличное образование. Но недостаток любви и печальные обстоятельства толкнули ее на другой путь.

В десять лет ее изнасиловал родственник приемного отца. Она стала убегать из дома, и родители поместили ее в жуткую исправительную школу для девочек, которая, словно в насмешку, называлась “Добрый Паstryр”. Там ее унижали, даже лишили права носить крестильное имя Анна-Мария. В тринадцать лет она вела дневник – записывала в толстой тетради на спирали свои очень трезвые наблюдения. Эту тетрадь у девочки отняли в наказание за то, что она надушилась, – воспитатели сочли, что от нее слишком сильно пахнет ландышем. Небольшого роста, приятная на вид и наделенная недюжинным умом – эта Жанна д’Арк на судилище, – Альбертина сбежала из ненавистной школы в Париж. Уличная жизнь сделала из нее проститутку и воришку. Ей было восемнадцать, когда ее с сообщницей арестовали за вооруженный грабеж и осудили на семь лет. А последний срок, четыре месяца, она получила в 1963 году за то, что стащила в магазине бутылку виски. И все время, с ранней юности, переживая любовь и разлуку, в тюрьме и на воле – она писала.

Жизнь часто бывает похлеще любого кино. Жизнь Альбертины кончилась печально – на операционном столе. Устало улыбнувшись Жюльену, она доверилась растяпке анестезиологу. Что виделось ей под тяжелыми, густо накрашенными смеженными веками в том последнем сне: слава, спокойное, обеспеченное существование, семья? Все так и могло обернуться – они с Жюльеном стояли на пороге перемен. Поженились, готовы были распрощаться с преступным миром. Но жизнь ее закончилась так же, как началась, – ее погубило человеческое равнодушие.

О святая Альбертина, с ее легким пером и неизменным карандашом для глаз! Я сроднилась с ней. Мне представлялось, как сигаретный дым вьется над ее головой, впитывается в кровяное русло, проникает в сердце. Сама я курить не могла из-за слабых легких, но носила в кармане пачку “Голуаз”. Я расхаживала взад-вперед по комнате, дожидаясь своего художника, который придет и спасет меня из добровольного заточения, так же, как она дожидалась Жюльена. И ожидание становилось не таким тягостным, а растворимый кофе казался эликсиром. У меня появился особый лексикон, почерпнутый сначала из “Меня зовут Астрагаль”, а потом из “Побега”, *La Cavale*, следующей книги Альбертины, которая открывается словами: “Прикид у меня для тюрьмы самый что ни на есть подходящий: манто из опоссума и слаксы”, – едва ли не лучшее начало во всей французской литературе.

Разочаровавшись в одном любовнике, я нашла другого – Сэма Шепарда. А когда и он решил уйти, мы вместе написали лебединую песнь – пьесу *Cowboy Mouth*, “Уста Ковбоя”. Свою героиню я назвала Каваль – от *La Cavale* Альбертины – в конце она объясняет, что означает это слово.

В 1976 году, путешествуя по свету, я прихватила с собой “Астрагаль” – книжка лежала в металлическом чемоданчике вместе с драными футболками, разными талисманами и той самой черной курткой, которую я держала небрежно перекинутой через плечо на фотографии, украшающей мой первый альбом *Horses*. Это была книжка издательства *Black Cat* в мягкой обложке с портретом Марлен Жобер в роли главной героини. Она стоила 95 центов, примерно столько же, сколько я заплатила в 1968-м за издание в твердом переплете. Я притащила книжку в Детройт, где встретила наконец своего настоящего Жюльена – сложного, сдержанного, очень красивого, и стала сначала его невестой, а потом женой. А когда он умер, в 1996 году, увезла ее с собой назад в Нью-Йорк вместе с драгоценным грузом горько-сладостных воспоминаний.

Недавно, перед последней поездкой во Францию, я вдруг опять наткнулась на эту книжку, но открыть ее не смогла. Вместо этого завернула в старый платок и опять положила в металлический чемоданчик, но уже другой. Альбертина лежала там, как увядшие лепестки, под грудой тряпок – тех, что ныне, в XXI веке, играли роль драных футболок. Однажды ночью в тулузской гостинице мне не спалось, я развернула книжку и принялась ее перечитывать. И снова все пережила: прыжок, вспышку боли в треснувшей лодыжке, увидела ангела-избавителя, разглядывающего в свете автомобильных фар испуганное, трепещущее, как сердце, лицо беглянки. События моей жизни незаметно сплетались с ее словами. Между пожелавших страниц вдруг обнаружился сложенный старый рисунок – портрет моего любимого, я расправила потертые сгибы и нашла прядь его гладких темных волос – одну реликвию внутри другой.

Он и она – не случайно мелькнувшие ангелы, а ангелы-хранители всей моей жизни.

Когда-нибудь я приду на ее могилу, прихватив с собой термос черного кофе, мы посидим немножко вместе, я сбрызну ландышевой водой надгробие в форме той самой сломанной косточки, которое установил Жюльен. Как я любила ее, мою Альбертину! Ее сияющие глаза освещали мне путь во тьме ранних лет. Она была моим провожатым среди ночных метаний. И вот теперь она ваша.

Меня зовут Астрагаль

Глава I

Небо отлетело вверх на десяток метров.

Вставать я не спешила. От такого удара и булыжнику впору расколоться, я сидела ошарашенная и ощупывала острую щебенку. Вдох, еще один – в голове постепенно оседали осколки разорвавшихся звезд, тишина обволакивала взрыв. Слабо светились в темноте разбросанные по земле белые камни. Наконец я оторвала от них руку, ощупала левое плечо, ребра, поясницу – как будто все ничего. Значит, цела и могу двигаться дальше.

Я встала. И только грохнувшись со всего маху, руки вразлет, лицом в колючки, вспомнила, что не проверила ноги. Знакомые наставительные голоса просверлили тьму: «Смотри, Анна, кончится тем, что ты себе ноги переломаешь!»

Я снова села, снова принялась за обследование. И на этот раз нашупала на уровне щиколотки какую-то шишку, которая надувалась и пульсировала под пальцами.

Сколько раз являлась я к тебе, лекарь, с постной миной и расписывала боли там, где, по моим расчетам, ты не мог меня проверить; сколько раз носила вам, сестренки, микстуру в постель, бодро топая резвыми ноженьками, и уж так завидовала вашим слабым желудкам. Теперь всё, теперь вы будете обиживать меня, вы или другие, невелика разница, конечно дело: я перебила лапу.

За этой стеной мирно спят все мои подружки, я измерила ее глазами – милые вы мои, вот это высота! Я летела, парила, кружила – секунду? – целую вечность! Оттолкнулась от стены и от всех вас – и вот, пожалуйста, приземлилась.

Еще сегодня днем я накачалась атропином и впрыснула в ляжку бензин. Роланда вышла на волю, а дожидаться, пока мы сможем встретиться, мне было невмоготу, вот я и ловчила, чтобы залечь в лазарет, там дни бегут быстрее, да и смыться оттуда легче.

– Вы вся зеленая! – воскликнула воспитательница на вечернем обходе.

– Наверно, об стенку вымазалась. – Я отлично знала, что похожа на мертвеца, но притворилась, что не поняла, и стала озираться, будто проверяя, в чем у меня спина. Мы как раз красили стены в столовой: одну в желтый, две в зеленый и одну в голубой цвет, а подоконники – в этакий солнечно-рыжий.

– Да нет, вы, вы сами! У вас лицо зеленое! Вы нездоровы?

Но я не успела отведать ни одной порции лазаретного снадобья, даже не ступила на плавный спуск по ту сторону двери. Я предпочла сигануть из окошка. Дорога совсем рядом, надо как-то до нее добраться, чтобы хоть не под самой стеной меня подобрали!

До назначенного часа и места встречи с Роландой еще далеко, хочешь не хочешь – придется шкандыбать до дороги с этой дурацкой шишкой... Раз, другой, третий пробую наступить на пятку – ногу обжигает жестокая боль.

Не ходят ноги – поползу на четвереньках. Ползу метров двадцать, пробираюсь сквозь кусты, сбиваюсь, возвращаюсь к каменной россыпи.

Прошла еще вечность – никак не выберусь.

Нога не разгибается – заклинило в суставе, волоку ее, как гирю, держу на весу, а она цепляется за ветки и булыжники. Темень непроглядная. Все последние месяцы я глядела сверху на большую дорогу в бахроме кустов – казалось, до нее рукой подать, доберусь с закрытыми глазами; правда, я вроде не собиралась прыгать, но решимость подспудно зрела. Улыбаясь облепившим воспитательницу товаркам и сжимая скользнувшую в мой карман

руку Роланды, я уже мысленно летела, приземлялась и вскакивала – гоп-ля! – веселая и свободная.

Не вынимая руки Роланды из своего кармана, я точно так же влезаю к ней, чтобы ощутить, как ходят под пальцами – раз-два, раз-два – твои косточки, моя Роланда... Мы обе прыскаем в воротник. Вот и корпус, залитый светом коридор, и искушение замирает до завтра.

Ползу. Локти вымазаны землей, ободраны, сочатся кровью вперемешку с грязью, напарываюсь на колючки, больно, но все равно вперед – надо добраться хотя бы вон до того огонька: там у обочины, должно быть, дом...

Путь преграждает железная решетка. Натыкаюсь на нее. Откинуться на спину, закрыть глаза, разбросать руки, как хорошо. Найдут, схватят сонную – пусть. Только бы пердохнуть, а там пусть снова унижают и мучают. Хотела на землю – вот и останусь на земле. Может, стена рухнет вдогонку и завалит меня.

Я снова на ногах – точнее, на коленях, – ползу вдоль ограды. Коленка – локоть, коленка – локоть, ничего, приноровилась потихоньку. А в голове прокручивается все назад: если бы начать сначала, без спешки, я бы не бросалась вниз, как ненормальная, а спустилась бы, цепляясь, пока можно, за выступы камней, и прыгнула только тогда, когда под ногой не будет опоры. Да присмотрела бы для падения местечко помягче, потравянистей...

Добралась до виллы с фонарем у входа, ползу вдоль дома по тропинке, протоптанной в траве, локоть – коленка – локоть... и наконец передо мной дорога, блестящая, с желтой полосой посередине. На обочине металлический щит с козырьком – реклама бензина. Хватаюсь за него так, что он дребезжит, здесь и буду ловить попутку на удачу... Нет, Париж в другой стороне, придется перейти. Шаг – в раскаленное железо, второй – в ватное марево, и я валиюсь поперек желтой линии, дави кому не лень. Вот и грузовик – сейчас расплывчат в лепешку и намотает на колеса, как раз до Парижа. Глазищи-фары катят прямо на меня.

В десятке метров машина резко сворачивает и останавливается. Скрип тормозов, клапанье дверцы, шаги. А я лежу, распластанная, с закрытыми глазами.

– Девушка!

Чья-то рука неловко и тревожно тормошит, ощупывает меня.

– Если вам не трудно, помогите мне сойти с дороги... Поддержите, у меня, кажется, сломана нога.

Шофер довел меня до подножки грузовика, и я села на нее, спрятав в тень больную левую ногу. Не хочу смотреть. На правую падает свет придорожного фонаря, она вся в грязи, земля засохла на пальцах и толстой коркой налипла до расцарапанного, блестящего от крови колена. Я съеживаюсь, сую руки в карманы и сжимаю в кулаки – под пальто почти ничего нет, так что холод пробирает до костей.

– Можно сигарету?

Парень протягивает мне пачку “Голуаз”, дает огня. Вспышка осветила на миг его лицо – типичный ночной шофер: потная, лоснящаяся физиономия, щетина на щеках и пристальный с прищуром взгляд.

– Как это вас угораздило?

– Я... э, да ладно, что уж теперь... Вы знаете эти места?

– Еще бы, проезжаю три раза в неделю.

Я показываю вбок, где сквозь переплетенные ветки смутно виднеется в свете горящего перед виллой фонаря моя стена.

– Тогда вы, наверно, знаете, что находится вон там...

– Хм... Так это вы оттуда?